
плачущих ликов
фарфоровых мадонн...
не знаю
ни иврита, ни арабского...
для меня, как для Блока,
неразгаданное,
божественное –
в живых,
Имя.
византийским стариком
смотришь на меня
со дна купола...
вера, надежда, любовь...
и любовь из них – большее.

маленький Андрюша поджигает бумажную луну.
смотрит, как она горит:
«Ира,
а ведь правда,
я никогда не умру?
а что там? ну, после всего...
они там тоже
как мы –
живые?
а бабушка
говорит, что их поминать надо.
что, им там тяжелее, чем нам здесь.
а знаешь, что я думаю...
что, может, для них
мертвые –
это мы...»

Я смотрю в окно.
От фонарей дорога «оранжевая», а земля –
«сепия».
Здесь почему-то всё время хочется спать.
Ты говоришь: «зимаа... зимааа...».
А я молча слушаю
тебя
и как закипает вода в чайнике.
Мы говорим мало, не глубоко.
Но мне не нужно большего.
Мне нужно так, как есть.
Я в плену у Ренуара –
он видел в людях ангелов,
поцелованный Богом продавец штор.
А у меня – не получается.
Ничего не получается...

Я люблю подниматься по лестнице,
игнорируя лифт.
Серые ступени, шуршащие под ногами,
тени впитавшие
губкой.
Гулко
голоса
в тишине высохшей
и от того способной
говорить запахами,
всеми сквозняками
балконными.
Воркующими голубями,
обращёнными
в слух...
Я.
В одном из пролётов пахнет супом.
Россыпь –
женский голос, детский смех.
Кого-то ждут.
Может быть, так
Выглядит счастье?..
когда есть, кого ждать,
когда есть, для кого варить суп.